

Ватрослав Ягич и его восприятие России (к 90-летию со дня смерти хорватского ученого)

Abstract:

Vashenko M.S. *Vatroslav Jagić* and his perception of Russia.

This article deals with the Russian periods of life of Croatian and Russian philologist Vatroslav Jagić and his perception of Russia. He lived in Odessa in 1872-1874 and in St.Petersburg in 1880-1886, worked in Russian universities and was closely connected with Russian academicians. But he always was not satisfied with the working conditions in Russia and absence of financial guarantees. Jagić was the controversial person who combined the Slavic consciousness and German upbringing. In spite of it Jagić gave very important contribution to development of Croatia-Russia relations.

Ключевые слова: В. Ягич, Хорватия, Россия, Петербургский университет, славяноведение, В.И. Ламанский.

5 августа этого года исполняется 90 лет со дня кончины хорватского и российского ученого Ватрослава (или Игнатия Викентьевича, как его называли в России) Ягича (1838–1923), одного из крупнейших специалистов в области славянского языкознания. Ягич на протяжении всей своей жизни был тесно связан с Россией. Он проработал там в общей сложности около восьми лет и еще до непосредственного знакомства со страной получил признание со стороны российского научного сообщества, свидетельством чего является избрание Ягича членом Академии наук в Петербурге в 1869 г. и доктором славянской филологии Петербургского университета в 1870 г. Его труды, начиная с 1870-х годов, издавались в России¹, а заметки, статьи и брошюры отечественных авторов, посвященные его деятельности, издавались и после того, как Ягич вернулся в Австро-Венгрию².

Эпистолярное и мемуарное наследие Ягича, поддерживавшего переписку со многими российскими учеными, поистине обширно. В 1947 г. была опубликована переписка Ягича с русским филологом и историком А.А. Шахматовым³, а в 1963 г. еще одна часть его эпистолярного наследия – в сборнике «Письма И.В. Ягича к русским ученым (1865-1886)». В Хорватии был издан сборник «Корреспонденция Ватрослава Ягича», второй том которого содержит в себе часть писем русских ученых Ягичу⁴. Тем не менее, содержанием этих сборников эпистолярное наследие хорватского ученого далеко не исчерпывается. Немалая часть его переписки до сих пор не опубликована. В этих документах отражено восприятие Ягичем различных аспектов жизни России 70–80-х годов XIX в., его отношение к стране в целом и к населявшим ее людям, прежде всего, к представителям научного сооб-

щества, с которыми он теснее всего общался. В данной статье будут использованы как опубликованные письма и мемуары Ягича, так и хранящиеся в архивах Санкт-Петербурга письма ученого, которые впервые вводятся в научный оборот.

Первое личное знакомство Ягича с Россией состоялось в январе 1872 г. За год до этого Новороссийский университет в Одессе удовлетворил просьбу хорватского ученого, желавшего занять там место преподавателя сравнительной филологии. Вначале Ягич был очень воодушевлен своим путешествием в Россию. «Отсюда, – с восхищением писал Ягич, – и это с радостью отозвалось в моем сердце, начинается, наконец, господство славянского мира, здесь более не требуется скрывать славянский язык перед более могущественными иностранными господами: немецким, итальянским, венгерским, турецким и каким бы то ни было еще»⁵. Но два года, проведенные в Одессе, оказались одними из самых тяжелых в его жизни и карьере. Ягича всегда отличало стремление к достижению комфортных бытовых (и в целом материальных) условий, чего он не мог получить в Одессе в полном объеме. Ввиду ограниченного числа преподавателей ему приходилось брать на себя дополнительную нагрузку, в университетской библиотеке отсутствовала необходимая литература, да и филологическая наука находилась далеко не на первых ролях в Новороссийском университете. Уже через год после приезда в Одессу Ягич в письме к своему другу, русскому ученому-слависту В.И. Ламанскому называет ее «отвратительным городом», «городом, ненавидящим на науку», прямо называет свое пребывание там «наказанием» и заключает: «Лучше быть учителем в Загребе, чем ординарным профессором в Одессе»⁶. В итоге в 1874 г. Ягич переезжает из России в Германию и занимает там место на кафедре славянской филологии Берлинского университета.

Условия для научной деятельности в Берлине выгодно отличались от одесских. Так, Ягич основал там первое общеславянское периодическое издание – журнал «Архив славянской филологии». Однако нельзя сказать, что и в Берлине хорватский филолог чувствовал себя полностью комфортно. В письме к русскому слависту Н.А. Попову Ягич положительно отмечает только тот факт, что, в отличие от Одессы, в Берлине он занимался своими прямыми обязанностями, но «во всем остальном я предпочитаю даже Одессу Берлину, а о немцах уже нечего говорить»⁷. Кроме того, внутренняя политика Берлина, его борьба против «панславизма» также вызывали раздражение у хорватского филолога. В письме к русскому историку, археографу, директору Императорской публичной библиотеки А.Ф. Бычкову хорватский филолог писал: «Я не удивляюсь, что наши немецкие газеты с пеною во рту проклинаят панславизм; они как будто бы по нашему заказу пытаются убе-

дить всех русских, и тех, которые до сих пор не сочувствовали славянской идее, что действительно сила России в славянстве»⁸. Тем не менее, на пришедшее в 1876 г. предложение вернуться в Одесский университет Ягич ответил отказом. «Я не могу принять состоявшегося в Одессе избрания, – писал Ягич Бычкову, – если мне не удастся выхлопотать в то же время исполнения некоторых условий, в особенности зачисления моих лет прежней австрийской учительской и нынешней профессорской службы для выслуги пенсии. В таком смысле я обратился тотчас после состоявшегося избрания к попечителю одесского учебного округа с прошением, но не получил никакого прямого ответа... Итак, решиться перейти назад в Одессу без надлежащей рекомпенсации – я не могу»⁹.

Однако после смерти И.И. Срезневского, возглавлявшего кафедру славистики в Петербургском университете, у Ягича появилась возможность занять освободившееся место. И на предложение из Петербурга хорватский ученый ответил положительно, хотя и всячески давал понять, что делает это в ущерб своему материальному положению. Вот что он писал управляющему министерством народного просвещения Сабурову: «Я знаю, что лично для меня было бы удобнее продолжать мою здешнюю, смею надеяться, не совсем неудачную деятельность, однако ж желание увеличить и расширить круг ученых занятий... побудило и меня на сделанный мне предварительный запрос ответить изъявлением полной готовности и согласия»¹⁰.

Итак, в 1880 г. Ягич переезжает в Петербург. Но «петербургский» период его деятельности начался с недоразумений, связанных именно с пресловутыми материальными гарантиями Ягичу и его семье, которые филолог, не забывая о своем одесском опыте, пытался заранее получить от России. В переписке с хорватским ученым Ламанский, судя по всему, позволил себе какое-то неосторожное высказывание по этому поводу, в частности, назвал его «иностранцем». На это Ягич ответил очень резко и нервно: «...То, что считают здесь (в Берлине – *М.В.*) самым простым и естественным обстоятельством, производит у вас затруднения, да Вы еще насмешливо прибавляете, что, де, иностранец все получит. Нет, батюшка! Не обижайте меня этим. Если Вы хотите считать меня иностранцем, так лучше не трогайте меня. Каждый из нас имеет обязанности относительно своего семейства, где уступчивость была бы преступлением»¹¹. Филолог высказывает свое недовольство тем, что его требования в Германии удовлетворили бы в течение восьми дней. Впрочем, такая нервная реакция хорватского ученого могла быть вызвана желанием «перестраховаться» перед новой поездкой в непредсказуемую Россию, от которой сложно было ожидать немецких гарантий.

Но все же полного повторения одесской ситуации удалось избежать. Помимо университета, Ягич работал в Отделении русского языка и словесности Академии наук и был вполне доволен своим положением в нем, хотя и Академия не смогла полностью удовлетворить желания Ягича. У хорватского ученого, впрочем, как и у его коллег, не было регулярного жалования, деньги выплачивались только за участие в заседаниях и в виде гонораров за публикации. Но главное, что члены Отделения, в котором состоял Ягич, не имели права на казенные квартиры, в то время как члены других отделений пользовались такой привилегией. Кроме того, в Берлине продолжал издаваться учрежденный им «Архив...», на издание которого никаких средств Академия наук Ягичу, конечно, не выделяла. Он, правда, продолжал получать из Берлина гонорар, выплачивавшийся ему как сотруднику журнала, но и тот был уменьшен на 600 марок. Эти обстоятельства Ягич называет единственным «темным пятном» в «светлой картине» его положения в Академии.

Что касается Петербургского университета, то Ягич, даже спустя многие годы после завершения своего пребывания там, негативно отзывался о его порядках. В воспоминаниях, изданных в 1934 г., уже после смерти Ягича, организация научной и учебной деятельности на историко-филологическом факультете Петербургского университета подвергается им жесткой критике: «На заседаниях факультета..., в которых участвовали все члены, включая и присутствие доцентов, совершенно не было какой бы то ни было организации, порядка, все говорили сразу перебивая друг друга, нередко забывая даже о необходимости голосования. После вдумчивой атмосферы берлинских факультетских заседаний, попав в этот шумный коллектив, я чувствовал себя попавшим в некую глубокую яму; свое поступление на службу на этот факультет я считал своего рода деградацией»¹².

Кроме того, хорватский филолог считал российскую славистику излишне политизированной. Он полагал, что в ней содержится слишком явная «примесь славянофильских идей». Хорватский филолог с неудовольствием отмечал, что большая часть студентов разделяли славянофильские концепции Ламанского. «В то время, пока эти студенты, – писал Ягич, – вдохновенно внимали теориям Ламанского, я не мог с одобрением смотреть на их вмешательство во внутренние вопросы славянских народов, в чем они вообще не придерживались принципов политики невмешательства в чужие дела..., например, они поддерживали митрополита Михаила в Сербии в его борьбе с сербским правительством или страстно воспалялись от деятельности младочешской и реалистической партии в Чехии и т.д.»¹³. Сам он достаточно высоко оценивает свою деятельность, направленную на то, чтобы поставить славистику на «чисто научное основание»: «Мне удалось за-

ронить в сердца молодежи уважение по отношению к славистике как к серьезной науке, равноценной по своей значимости германской и романской филологии...»¹⁴. Конечно, вряд ли можно сомневаться в добросовестности работы Ягича на факультете, но он все же, на наш взгляд, преувеличивает свои личные заслуги, ибо славистика в России к началу 1880-х годов уже находилась на высоком уровне развития и в отсутствии «научных оснований» ее упрекать не приходится.

Помимо университета и Академии наук Ягич работал и в других учебных заведениях Петербурга, к примеру, на женских курсах Бестужева-Рюмина при Институте благородных девиц, где он преподавал историческую грамматику русского языка. Хорватский филолог был более чем доволен опытом преподавания в этом учебном заведении, особенно же его радовало то обстоятельство, что курсистки, в отличие от студентов на историко-филологическом факультете, не относились к его лекциям недоверчиво, желая все раскритиковать и проверить, а, напротив, «доверчиво воспринимали каждое слово, любую мысль из уст преподавателя: *jurare in verba magistri** – относилось к ним в полной мере»¹⁵. Вместе с тем Ягич отмечал низкий уровень подготовки слушательниц курсов, из-за чего ему приходилось менять программу преподавания и восполнять пробелы в образовании у курсисток. Тем не менее, он высоко оценивал сам факт существования таких курсов и их значение в развитии женского образования в России.

В Петербурге хорватский филолог обзавелся и новыми знакомствами, причем, не только в научной среде. Жизнь сталкивала его с самыми разными людьми, в том числе и с такими влиятельными, как обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, разрешение которого ему требовалось для работы в библиотеке Синода. Одного определения, которое Ягич дал Победоносцеву – «могущественный ретроград», – достаточно для того, чтобы определить отношение хорватского филолога к обер-прокурору Синода. Приводит Ягич и услышанную им лично от Победоносцева фразу, сказанную им о чехах: «Какие они славяне, ведь они – католики!»¹⁶.

Но были среди его знакомых и те, кого Ягич характеризовал положительно, например, князя П.П. Вяземского, сына известного русского поэта П.А. Вяземского. Князь являлся основателем «Общества любителей древней письменности» и, по сведениям Ягича, еще тогда, когда хорватский филолог жил в Берлине, пригласил его присоединиться к этому обществу. Ягич каждую пятницу посещал собрания этого общества в доме графа Шереметева на Фонтанке и получал там то, к чему всегда так стремился, – общение в узком кругу единомышленников. Тем более что среди них было немало представи-

---

* Слепо следовать словам учителя (лат.)

телей знатных дворянских родов, а это значило, прежде всего, то, что обществу будут обеспечены хорошая материальная поддержка и, соответственно, доступ к любым интересующим их рукописным памятникам с возможностью их издания. Ягичу, кроме того, не могло не импонировать доброе расположение Вяземского к нему лично и, видимо, к хорватам вообще. По словам самого хорватского филолога, «князь Вяземский часто мне рассказывал о своих воспоминаниях, о том, как он, еще будучи подростком, жил с отцом в Константинополе, и, между прочим, весьма лестно отзывался о каком-то охраннике, хорвате из Боки Которской, рассказывая, каким тот был храбрым и верным»¹⁷.

Помимо сведений о научной и общественной деятельности в России, в воспоминаниях Ягича можно найти и описание как своей частной, семейной жизни, так и жизни Петербурга в целом. В отличие от самого Ягича, его жена проводила целые дни в «тоскливом однообразии», поэтому он часто отправлял свою семью из России за границу. Тем не менее, жене Ягича удалось найти в Петербурге свой круг общения, – он состоял в основном из местных немцев, которые, по словам хорватского ученого, были ей значительно ближе русским. Но и эти немцы, пишет Ягич, образовывали некую замкнутую касту и, видимо, не очень охотно принимали чужих в свой круг. «Принимая во внимание наше католическое вероисповедание, – пишет ученый, – в России мы были чужды и православным русским, и протестантам немцам, хотя по образу жизни, принятому в нашей семье, мы были намного ближе немцам, чем русским»¹⁸. Тем не менее, нельзя сказать, что Ягич со своей семьей жил в Петербурге замкнуто. Хорватский ученый все же несколько преувеличивает, когда пишет о том, что он и его семья были чужды русским. Об обратном свидетельствует хотя бы то количество знакомств, которые Ягичу удалось завязать в России. У хорватского филолога было немало возможностей познакомиться с жизнью русских людей – так, на Новый Год, Пасху и другие праздники Ягич в компании А.Н. Веселовского ходил в гости к друзьям и знакомым. Вот как Ягич это описывает: «...в России на Масленицу пекут национальное лакомство – блины... На блины ходят к друзьям в гости, и тяжелая для желудка пища обычно заливается обильным количеством вина и водки. У русских есть еще одно национальное блюдо, знакомое и нам южанам, – жареный поросенок... Однажды случилось так, что мы попали к друзьям за праздничный стол, – так что нам не оставалось ничего другого, как сесть за стол и пить с друзьями сколько душе угодно»¹⁹.

Хорватский ученый оставил записи, свидетельствующие о том, что ему было интересно наблюдать за жизнью на петербургских улицах. Он выделяет среди людей «низкого происхождения» два основных типажа, без

которых нельзя представить городскую жизнь, – это дворник и извозчик. Именно извозчик был для Ягича «самой оригинальной личностью» на улице. Из детального описания работы извозчиков – как они получают разрешение на работу, как они одеваются, как разговаривают со своими пассажирами (и со своими лошадьми!) – видно, что Ягич не только сам часто пользовался их услугами, но и действительно интересовался и даже восхищался их работой: «В том, насколько вынослив русский человек и русская савраска, я имел возможность неоднократно убедиться на собственном опыте, возвращаясь домой поздно ночью по лютому холоду, в пятнадцатидвадцатиградусный мороз: извозчичы клячи, даже не покрытые попоной, стоят обычно на такой стуже совершенно спокойно, а на скамейке перед домом сидит замотанный в свой тулуп дворник, которого к тому же нужно еще и будить, чтобы он открыл тебе двери дома в то время, как швейцар спит беспорудным сном»²⁰, – пишет он.

Ягичу удалось побывать и за пределами Петербурга – в его пригородах, а также в Ярославле, Костроме и даже в Новгородской области, в Боровичах. Туда он ездил на дачу к В.И. Ламанскому. «Там я убедился в том, – писал Ягич, – что и в северной части России деревенская, так называемая «усадебная» жизнь имеет свою прелесть, хотя поэтичность русской деревни значительно отличается от поэзии нашей, южной, к примеру говоря, хорватской сельской жизни, которую отличает более высокий уровень культуры и бережное отношение к старинным народным обычаям»²¹. Посещал Ягич и Москву. Во-первых, ему приходилось там бывать с научными целями – он работал в Хлюдовской библиотеке при старообрядческом Преображенском монастыре, в библиотеке Святейшего Синода и в библиотеке Московской типографии, где его интересовали старинные рукописи. Кроме того, Ягичу нравился сам город. Если Петербург, в котором он жил, не вызывал у него каких-то особенных чувств (за исключением первого впечатления) и был для Ягича просто местом работы, то Москву он посещал даже после того, как переехал из России в Австро-Венгрию. Вот какую характеристику он давал Москве: «Я всегда с большим удовольствием приезжал в Москву, – писал он, – и если бы мне суждено было пробыть в России чуть дольше, то я постарался бы как можно чаще приезжать в Москву для того, чтобы вдоволь надышаться там настоящим русским духом»²².

Как можно заметить, положение Ягича в Петербурге, его статус, круг его знакомств не давали оснований сомневаться, что он занимал достойное место среди петербургских славистов и жил той же жизнью, что и они. Но, видимо, хорватский филолог все же рассчитывал жить лучше, а поскольку каких-то особых привилегий в России ему ждать было бессмысленно, то недовольство многими обстоятельствами жизни, побудили его к отъезду из

Петербурга. Тем более что в 1885 г. ему предложили занять место профессора славянской филологии в Венском университете. И Ягич в итоге ответил согласием на это предложение. Он писал Д.А. Толстому, министру внутренних дел России и президенту Академии наук: «Когда я лет пять тому назад приехал в Санкт-Петербург, я питал надежду, что мне удастся значительно расширить круг моей деятельности. До сих пор, однако ж, надежды мои оправдались отчасти. Вскоре обнаружилось, что совокупные источники моего здешнего содержания... в сравнении с дороговизной здешней жизни не дают мне того, что давал мне в Берлине один университет»²³. Министру народного просвещения И.Д. Делянову он писал уже открыто: «Я в самом деле уже устал читать множество лекций в разных учебных заведениях для того, чтобы приобретать средства, необходимые для поддержки моей семьи и воспитания детей, – это невыгодно отражается на моей научной деятельности, стесняя ее»²⁴. И в 1886 г. Ягич покидает Петербург и переезжает в Вену.

Петербургский период – самый длительный и яркий из «русских» периодов Ягича – завершился, и с тех пор он бывал в России лишь наездами. Но он, конечно, не забывал своих коллег и друзей из России. Тем более что жизнь в Вене не была для Ягича такой, какой он себе ее представлял, хотя он вернулся в страну, подданным которой являлся, на работу в университет, который его воспитал, наконец, где его семье были гарантированы привычные европейские условия жизни. Но, как признавался сам хорватский филолог, забота о семействе – недостаточный мотив для него, чтобы сохранять «силу и стойкость». В год переезда в Вену Ягичу было уже почти 50 лет, всю свою жизнь он провел в разъездах, и, конечно, у него не было уже столько сил и энергии. А обстоятельства его работы в Вене были следующими: «Круглое невежество или надменное презрение со стороны немцев, мелкие расчеты и ребяческое самолюбие со стороны жалких славян – вот факторы, с которыми нужно будет на каждом шагу сталкиваться»²⁵. Через два года Ягич пишет Ламанскому уже об «остервенении» немцев и венгров против славян, которое отрицательным образом сказывалось и на работе Югославянской академии наук и искусств²⁶. Чуть позже хорватский ученый признается, что его отъезд из Петербурга во многом был обусловлен личными обстоятельствами. «В сущности за это (переезд в Вену – М.В.) наказан более всего я сам, – пишет Ягич, – не обвиняйте меня в неискренности. Это была скорее слабость в борьбе моего личного убеждения с желаниями жены. Она взяла верх. Но трудно было бороться против ее преданности мне и детям»²⁷.

Однако Ягич, уже не связанный никакими прямыми обязательствами с Петербургским университетом и Академией наук (хотя он и оставался членом Академии и после отъезда в Вену), мог не задумываться об этих вопро-

сах во время своих кратких визитов в Россию. Поэтому он в самых благоприятных выражениях описывает А.Ф. Бычкову свой краткий визит в Москву в 1891 г.: «Это было почти нечто большее, как очень приятный сон, мое кратковременное пребывание в России. Меня тянуло туда, как всегда, вернулся я домой с некоторой грустью, причины которой излагать не стану»²⁸. Скорее всего, причиной этой грусти стала эмоциональная привязанность Ягича к России, его чисто человеческая симпатия к стране и к ее народу. Заметим, что находился он не в Петербурге, где проработал несколько лет и где проживало большинство его друзей, а в Москве, где он в течение 1880-х годов бывал только наездами.

Дальнейшая деятельность Академии наук и других научных центров России не могла оставить Ягича равнодушным, тем более, что, уже находясь в Вене, он даже жаловался на «отсутствие внимания» к себе со стороны той же Академии и, самое главное, на то, что он нерегулярно получал ее новейшие издания, хотя, конечно, он не подозревал Академию в какой-то умышленной задержке: «К сожалению, со стороны академии не заметно особого внимания. Я в последнее время (в течение чуть ли не года) не получал никаких изданий ни второго, ни третьего отделений; мне казалось бы, что я имею некоторое право, пока я еще не вычеркнут из списка членов! Предполагаю, что тут нет ничего преднамеренного...»²⁹. Что касается его отношений с коллегами-славистами, то они продолжали оставаться крайне противоречивыми. В первую очередь это касается его взаимоотношений с Ламанским. Так, Ягич выражал недовольство, что Ламанский оставил пост редактора «Славянских известий» (печатного органа Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества), который он некоторое время занимал: «Меня волнует, не знаю причины, почему Вы сложили с себя редакцию... Как не видят неисправимые Ваши бюрократы, что нам, славянам, не помогает болтовня Комарова (издатель «Славянских известий» – *М.В.*), нам необходим веский голос и хороший совет таких знатоков славянства, как Вы... Не разделяя, может быть, всех Ваших взглядов, я всегда глубоко уважал Вас за Ваш честный, прямой характер, за Ваше отвращение ото лжи, за Вашу глубокую веру в Россию, которой я не нахожу в болтунах, умеющих всегда только поддакивать...»³⁰. В этих словах содержится квинтэссенция взаимоотношений между двумя выдающимися славистами, между придерживавшимся либеральных взглядов Ягичем и консервативно настроенным Ламанским. Они видели друг в друге прежде всего профессионалов и, несмотря на порой жаркие споры на околополитические темы, ценили друг друга и сохранили добрые взаимоотношения. Хотя Ягич и позволял себе нелестные высказывания о Ламанском еще долгое время, порой не имея для этого веских поводов. Так, в одном из своих писем к русскому сла-

висту П.А. Кулаковскому он комментирует слух о некоей публикации Ламанского, направленной против южных славян и, в частности, хорватов. При этом Ягич выражений не выбирает: «Что он, из ума выжил, что ли? Мало ль ему аплодисментов моего лейб-органа «*Neue Freie Presse*» и всех юдофильских газет за то, что в пух и прах разбивает «братьев» и «братушек»?»³¹. Продолжал Ягич осуждать и российское славяноведение за излишнюю, по его мнению, политизированность, в которой он видел и вину Ламанского: «У вас... целые отрасли мнимой науки не что другое как политика. Например, пресловутое «славяноведение», в том смысле, как понимают его Ламанский, Будилович и т.д.»³². Тем не менее, далеко не все отечественные слависты продолжали оставаться мишенью для критики Ягича. Достаточно высокой оценки хорватского ученого удостоилась монография П.А. Кулаковского, посвященная иллирийскому движению в Хорватии*. «Могу искренне поблагодарить Вас за этот драгоценный вклад в историю славянского движения в XIX столетии, – писал Ягич, – как далеко Вы ушли трезвым взглядом от Гильфердингов и Будиловичей! Понятное дело, Вы жили между сербами и хорватами, Вы познакомились со всеми их хорошинами и дурными сторонами и убедились, что зачатки есть, даже хорошие»³³.

Интересовали Ягича и политические события в России. Особое внимание в своих письмах он уделял личности Александра III и сменившего его на престоле Николая II. Из всего, что касалось России и русской политики, пожалуй, только царствующим особам удалось избежать критических замечаний, которых у хорватского ученого обычно всегда находилось с избытком. Ягич с волнением следил за событиями, связанными с крушением царского поезда в 1888 г., с болезнью и смертью Александра III. Вот как Ягич характеризует его: «Покойный государь поднял значение России в Европе, скончался как истинный христианский герой мира... Дай Бог, чтобы новый государь во всем последовал примеру своего отца во благо России и всего человечества»³⁴. О Николае II Ягич также отзывался с большой симпатией. «Вам и всем русским, – писал он Бычкову спустя два года после вступления Николая II на престол, – должно льстить то громадное значение, которое в Европе и во всем мире заняла Россия в течение последнего десятилетия, плоды которого пожинает молодой государь. Дай Бог ему счастья!»³⁵. Позитивно он оценивает и русско-французское сближение начала 1890-х годов.

Ягич писал своим русским корреспондентами о внутреннем положении в Австро-Венгрии. Накануне Первой мировой войны столкновения «национализмов» внутри Габсбургской монархии стали приобретать все более

---

* Имеется в виду докторская диссертация П.А. Кулаковского «Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода возрождения» (Варшава, 1894).

острый характер. Коснулось это и сферы образования. В 1908 г. хорватский бан П. Раух отправил в отставку Дж. Шурмина, профессора Загребского университета, декана философского факультета, активно участвовавшего в политических событиях. Это спровоцировало студенческие волнения в Загребе. Тогда же Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину. Все это вызывало негативную реакцию Ягича. Так совпало, что в том же году ученый прекращает активную научную деятельность и выходит на пенсию (в 1908 г. ему исполнилось 70 лет). Вот что он об этом пишет Ламанскому: «Вовремя я покидаю Венский университет. Национализм, конечно, не славянский берет в нем год от года верх... австрийские немцы преследуют все славянское, причисляя без различия всех славян к клерикалам... И в это время столь дерзкой нетерпимости немцев в Австрии, а мадьяр в Венгрии – монархия присоединяет к себе две чисто славянские области, Боснию и Герцеговину, провозгласив заранее всех сербов государственными преступниками! Чем все это кончится, один Бог ведает»³⁶. Все эти события являлись прелюдией к началу Первой мировой войны и распада двух «славянских» империй – Австро-Венгерской и Российской, после чего контакты Ягича с русскими славистами прекратились, да и само отечественное славяноведение как таковое на время перестало существовать.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что для Ягича Россия представляла серьезный интерес и в области науки, и в общественно-политической сфере, и в области человеческих взаимоотношений. Мало у кого из хорватов, связанных с Россией, было столько русских коллег и друзей, сколько было у Ягича. Он посвятил России значительную часть своей жизни и карьеры, узнал русскую жизнь с самых разных сторон и даже получил в России имя и отчество – случай почти исключительный применительно к хорватам. Однако нельзя сказать, что Ягич за то десятилетие (с перерывами), в течение которого он жил и работал в России, полностью там ассимилировался. Несмотря на отличное знание русского языка, русской литературы, Ягич продолжал оставаться подданным Австро-Венгрии, пропитавшимся за долгие годы немецкой культурой и усвоившим европейские представления о жизни. Именно на примере Ягича очень хорошо видна та противоречивость природы, которая часто свойственна западным славянам, близким русским по языку, но отделенным от них католическим вероисповеданием, латинским алфавитом и немецким представлением о повседневной жизни. Ягича не устраивало в России именно отсутствие материальных гарантий и немецкой упорядоченности в бытовой сфере. Поэтому его после Одессы и Петербурга тянуло именно в Берлин и Вену. Но в Австро-Венгрии и Германии Ягич ощущал свою чужеродность в немецкой и венгерской среде, где он был прежде всего славянином, хорватом.

Несмотря на все эти обстоятельства, Ягич вписал свое имя и в историю славянской филологии, и в развитие хорватско-русских связей, являясь не только крупнейшим филологом своего времени, но и одной из наиболее ярких личностей, без которых невозможно представить историю взаимоотношений России и Хорватии.

Примечания

- ¹ Ягич И.В. История сербо-хорватской литературы. Казань, 1871; Маринское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. СПб., 1883; Исследования по русскому языку. СПб., 1895; История славянской филологии. СПб., 1910.
- ² См., например: Ляпунов Б.М. Краткий очерк ученой деятельности академика Игнатия Викентьевича Ягича. Одесса, 1911; Сперанский М.Н. И.В. Ягич – историк славянской филологии. СПб., 1910.
- ³ Переписка А.А. Шахматова с академиком И.В. Ягичем (1881–1894) // А.А. Шахматов. М.-Л., 1947.
- ⁴ Korespondencija Vatroslava Jagića. Knj. 2. Zagreb, 1970.
- ⁵ Jaguh V. Moјprvi put у Русију године 1872 // Српски књижевни гласник. Св. 1. 1912. С. 34.
- ⁶ Ягич – Ламанскому, 10 января 1873 г. // Письма И.В. Ягича к русским ученым (1865–1886). М. – Л., 1963. С. 66.
- ⁷ Ягич – Попову, 25 октября 1874 г. // Там же. С. 38.
- ⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 120. Д. 1481. Письмо И.В. Ягича А.Ф. Бычкову. 1880 г. Л. 12.
- ⁹ ОР РНБ. Ф. 120. Д. 1481. Письмо И.В. Ягича А.Ф. Бычкову 11 (23) апреля 1877 г. Л. 8-8об.
- ¹⁰ Ягич – Сабурову, 10 мая 1880 г. // Письма И.В. Ягича к русским ученым.... С. 185.
- ¹¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее – СПФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Д. 1588. Письмо И.В. Ягича В.И. Ламанскому. 11 июня 1880 г. Л. 23.
- ¹² Jaguh V. Spomeni мојега живота. II део (1880–1923). Београд, 1934. С. 4.
- ¹³ Ibidem.
- ¹⁴ Ibid. С. 3.
- ¹⁵ Ibid. С. 23-24.
- ¹⁶ Ibid. С. 8.
- ¹⁷ Ibid. С. 12.
- ¹⁸ Ibid. С. 28.
- ¹⁹ Ibid. С. 19.
- ²⁰ Ibid. С. 34.
- ²¹ Ibid. С. 30.
- ²² Ibid. С. 31-32.
- ²³ Ягич – Толстому, 12 декабря 1885 г. // Письма И.В. Ягича к русским ученым... С. 287.
- ²⁴ Ягич – Делянину, 5 марта 1886 г. // Там же. С. 296.
- ²⁵ СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1588. Письмо И.В. Ягича В.И. Ламанскому. 26 октября 1886 г. Л. 45.
- ²⁶ Там же. Письмо И.В. Ягича В.И. Ламанскому. 22 ноября 1888 г. Л. 54.
- ²⁷ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1588. Письмо И.В. Ягича В.И. Ламанскому. 24 декабря 1900 г. Л. 64.
- ²⁸ ОР РНБ. Ф. 120. Д. 1482. Письмо И.В. Ягича А.Ф. Бычкову. 31 октября 1891 г. Л. 38.
- ²⁹ ОР РНБ. Ф. 120. Д. 1482. Письмо И.В. Ягича А.Ф. Бычкову. 22 января 1894 г. Л. 5.
- ³⁰ СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1588. Письмо И.В. Ягича В.И. Ламанскому. 1887(?) г. Л. 47-48 (в описи фонда указана неправильная дата – Ламанский сложил с себя редакторские полномочия в 1888г.).

³¹ Институт русской литературы Российской академии наук (далее – ИРЛИ РАН). Ф. 572. №269. Письмо И.В. Ягича П.А. Кулаковскому. 1 (13) января 1895 г. Л. 4.

³² ОР РНБ. Ф. 124, собрание Н.Л. Вакселя. Д. 5040. Письмо И.В. Ягича К.С. Веселовскому. 17 (29) декабря 1892 г. Л.2.

³³ ИРЛИ РАН. Ф. 572. №269. Письмо И.В. Ягича П.А. Кулаковскому. 1 (13) января 1895 г. Л. 3.

³⁴ ИРЛИ РАН. Ф. 166. Оп. 3. №1159. Письмо И.В. Ягича Л.Н. Майкову. 26 октября 1894 г. Л. 34.

³⁵ ОР РНБ. Ф. 120. Д. 1483а. Письмо И.В. Ягича А.Ф. Бычкову. 27 сентября 1896 г. Л. 6.

³⁶ СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1588. Письмо И.В. Ягича В.И. Ламанскому. 3 (16) октября 1908 г. Л. 84.